

Научная статья / Research Article

УДК 314.02:93"1959/1985"

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-271-282

Евгений Иванович Семькин

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

salvadorrr033@gmail.com

**ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ФОРМ УЧЕТА ФАКТОВ ДЕТСКОЙ
И МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ В ЕЖЕГОДНОЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1959–1985 гг.**

В статье рассматривается изменение форм и структуры учета младенческой и детской смертности в Красноярском крае в период 1959–1985 гг. на базе ежегодных отчетов о естественном движении населения в контексте изменений в демографической политике СССР. Гипотеза состоит в том, что проблема детской и младенческой смертности стояла перед советским государством достаточно остро, а в отдельные периоды неудовлетворительные показатели воспринимались болезненно, вследствие чего вопрос о точности и глубине учета демографических процессов, развивающихся в возрастной группе детей до года, будет отражаться в формах и структуре ежегодной демографической отчетности. Ретроспективный анализ форм учета наглядно показывает, что с течением времени, развития медицины, методов и системы учета демографических фактов статистический учет различных аспектов, касающихся фактов детской и младенческой смертности, становится все более подробным и глубоким. Появляются отдельные формы, посвященные только вопросу обстоятельств смерти детей в возрасте до года или в возрасте до месяца, и их удельный вес в общем объеме годовой демографической отчетности с годами только растет, что свидетельствует о правильности изначальной гипотезы. Также обнаружен фокус внимания органов статистики на демографических процессах, протекавших среди коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, особенно в непродолжительный промежуток 1963–1964 гг. Автором статьи приведены собственные выводы на основе изложенного в основной части материала применительно к теории эпидемиологического перехода.

Ключевые слова: детская и младенческая смертность, демографические источники, эпидемиологический переход, демография СССР

Для цитирования: Семькин Е.И. Изменение структуры и форм учета фактов детской и младенческой смертности в ежегодной демографической отчетности Красноярского края в 1959–1985 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 271–282. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-271-282.

Evgeniy Ivanovich Semykin

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

salvadorrr033@gmail.com

**CHANGES IN THE STRUCTURE AND FORMS OF ACCOUNTING
FOR THE CHILD AND INFANT MORTALITY FACTS IN THE ANNUAL
DEMOGRAPHIC REPORTING OF THE KRASNOYARSK REGION
IN 1959–1985**

The paper examines the change in the forms and structure of recording infant and child mortality in the Krasnoyarsk Region in the period 1959–1985 based on annual reports on vital statistics in the context of changes in the demographic policy of the USSR. The hypothesis is that the problem of child and infant mortality was quite acute for the Soviet state, and in certain periods unsatisfactory indicators were perceived painfully, as a result of which the question of the accuracy and depth of accounting for demographic processes developing in the age group of children under one year old will be reflected in the forms and the structure of annual demographic reporting. A retrospective analysis of accounting forms clearly shows that over time, the development of medicine, methods and systems for recording demographic facts, statistical accounting of various aspects relating to the facts of child and infant mortality becomes more and more detailed and deep. Separate forms appear, devoted only to the issue of the circumstances of death of children under the age of one year or under the age of one month, and their share in the total volume of annual demographic reporting only grows over the years, which indicates the correctness of the initial hypothesis. It was also discovered that statistical authorities focused their attention on the demographic processes that took place among the indigenous peoples of the Far North, Siberia and the Far East, especially in the short period of 1963–1964. The author of the article presents his own conclusions based on what is presented in the main part of the material in relation to the theory of epidemiological transition.

Keywords: child and infant mortality, demographic sources, epidemiological transition, demography of the USSR

For citation: Semykin E.I. Changes in the structure and forms of accounting for the child and infant mortality facts in the annual demographic reporting of the Krasnoyarsk Region in 1959–1985 // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 1. S. 271–282. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-271-282.

Введение. Оценка результатов демографической политики государства зависит не только от реальных итогов деятельности исполнительной власти, но и от точности и правильности ведения учета и статистики состояния основных планируемых показателей. Проблема соответствия форм и структуры учета поставленным задачам и планируемым результатам будет актуальна до тех пор, пока существуют демографическая политика и методы оценки ее качества. Знания, полученные в результате анализа статистика и учета в прошлом, могут быть полезны при организации этой системы на современном этапе.

С появлением планово-учетных органов и централизованной системы ежегодной демографической отчетности возникают нормативно установленные формы учета по ключевым показателям. Особое место органов статистики в системе органов власти СССР не может не привлекать внимание исследователей к их деятельности. В 1948 году Центральное статистическое управление было выведено из подчинения Госплана и переподчинено Совету Министров СССР, в 1957 г. после создания совнархозов и ликвидации отраслевых министерств статистика оказалась в руках ЦСУ СССР,

а с 1963 г. начальник ЦСУ стал входить в состав Совета министров [25, с. 17–18].

Данный факт свидетельствует о том, что статистические службы имели ключевое значение для функционирования советской системы. И это не удивительно для плановой модели экономического и социального развития. При централизованном распределении ресурсов определение и решение задач по развитию различных сфер жизни государства и общества критически зависят от статистических данных, которые лежат в основе любого масштабного планирования. При такой модели управления и развития достоверная, своевременная статистическая информация чрезвычайно важна. И, соответственно, особое значение имеют формы и структура этого учета, от которых зависит объективное отражение действительности в массиве предоставляемых данных. С этой точки зрения демографическая статистика, касающаяся вопросов рождаемости, смертности и ее причин, лежит в основе планирования развития здравоохранения, социального обеспечения и других жизненно важных систем жизнеобеспечения общества.

Таким образом, не только сами показатели рождаемости, смертности и ее причин могут дать исследователю информацию о состоянии соответствующих сфер, но и их форма, и структура. А также то, чего не передадут сами цифры отчетности, – косвенные данные о реакции государства на процессы и тенденции в сфере демографии, выраженные в изменении этих форм учета и их структуры, обратная реакция на получаемые данные.

Цель исследования. Выявление фокусов внимания органов власти и характеристика их движения в качестве источника данных для оценки качества информационной базы советской социальной политики.

Объектом исследования является ежегодная демографическая отчетность о естественном движении населения в Красноярском крае 1959–1985 гг., предметом исследования – изменение структуры и форм ежегодной демогра-

фической отчетности о естественном движении населения в 1959–1985 гг.

Результаты исследования и их обсуждение. Стоит сказать, что статистические демографические источники редко становятся объектом и предметом отдельных исследований. Как правило, анализ источников является составной частью исследований, посвященных другим вопросам и проблемам демографии. Статистический учет демографических процессов и его анализ проделали огромный путь. В начале XX века публикуются первые существенные работы о младенческой смертности, выполненные на высоком методологическом уровне. Среди них наиболее заметны труды В.П. Никитенко (1901), П.И. Куркина (1902 и 1911), С.А. Глебовского и В.И. Гребенщикова (1907), С.А. Новосельского (1916). Послереволюционный период не был ознаменован глубокими и всесторонними исследованиями младенческой смертности в СССР. Исключение составляют несколько очень интересных и профессиональных работ украинских демографов, к числу которых относятся работа С.А. Томилина (1930), статьи А.П. Хоменко (1929) и М.В. Птухи (1929) [1, с. 43]. За период 1930-х годов произошла стремительная эволюция от «социальной патологии» к «социальной бухгалтерии», вызванная политическим давлением. Однако в 1946 году С.А. Новосельский опубликовал работу о выживаемости детей в возрасте до одного года в послеблокадном Ленинграде, а Р.И. Сифман после Великой Отечественной войны провела более широкое исследование причин снижения младенческой смертности. С 1975 года публикация данных о младенческой смертности в СССР была прекращена, и это привело к активизации исследовательского интереса к советской демографии из-за рубежа. Исследования второй половины XX века, а точнее 1970–1990-х годов, по большей части носят описательный характер. Это во многом обусловлено господством статистико-демографической парадигмы, при которой все гипотезы концентрируются вокруг проблемы качества реги-

страции и сравнимости данных, а социально-экономические и промежуточные детерминанты практически полностью исключаются из анализа. В 1980-е и в начале 1990-х годов, во многом благодаря работам зарубежных демографов, промежуточные переменные вновь попали в круг интересов, частности, влияние загрязненности окружающей среды. Но исследования в этом направлении остаются разрозненными и фрагментарными [1, с. 61].

Традиционный демографический взгляд на эволюцию рождаемости и проблемы воздействия на нее продемонстрировала вышедшая в 1981 г. монография А.Я. Кваши, одного из признанных специалистов в данной области, которого невозможно не упомянуть в историографическом обзоре подобного исследования. Отметим такие фундаментальные работы, как «Введение в демографию» и «Демографическая политика в СССР». Из работ постсоветского периода отдельно выделим «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России» С.А. Нефедова и труды Б.Н. Миронова, правда, относящиеся к другому периоду, но являющиеся важной вехой в развитии науки.

В.А. Исупов обосновал и развил новое исследовательское направление, связанное с исторической реконструкцией динамики численности, состава и воспроизводства населения Сибирского региона. В частности, его труды касаются искажений и фальсификаций данных демографической статистики [6]. Непосредственно о демографической политике советского государства писала Е.Ю. Литвинец [23].

В 2016 году вышел сборник «Демографическая история России и регионов», являющийся уникальным собранием трудов, посвященных исследованию и анализу демографических источников. Авторами сборника рассматриваются как источники XIX века, так и источники на протяжении XX века и даже XXI: переписи населения различных периодов, метрические книги, фонды статуправлений и т.д. Отдельно отметим здесь

наиболее близкие к нынешнему исследованию статьи Н.В. Гониной, Л.Н. Славиной, А.А. Бурматова, В.Б. Лапердина [5]. Основным источником данного исследования являются ежегодные отчеты о естественном движении населения Красноярского края в период с 1959 по 1985 г., составляемые по формам, утвержденным ЦСУ СССР. Ежегодные отчеты о естественном движении населения, составляемые крайстатом, собраны в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) в фонде Р-1300 описи № 8, которая и является основным источником данного исследования.

Данный фонд уже становился объектом внимания исследователей. Обзор состояния, структуры и содержания фонда был представлен в статье Н. В. Гониной, Р.В. Павлюкевича и Л.Н. Славиной [19, с. 1098–1101]. Авторы отметили неудовлетворительное состояние фонда, выраженное в отсутствии глубокой систематизации, отсутствии ряда номерных фондов, которые, как предполагают, могут по-прежнему находиться в Федеральной службе госстатистики, или вовсе могут быть уничтожены. Используемая в данном исследовании восьмая опись отнесена авторами к группе специализированных, но подробно не описана. Например, в описи отсутствует дело № 9 (отчет за 1967 год), ряд дел разбиваются на два, три, четыре или большее количество томов, причем некоторые тома являются копией уже имеющихся томов, а сама система, или принцип деления дел на тома, не просматривается. Многие дела сшиты между собой так, что просмотр ряда позиций важной для исследования информации не представляется возможным. Однако подтвердим и тот факт, что фонд и конкретная опись содержат в себе огромные объемы полезной статистической информации.

В части представления результатов исследования будет прослежена хронология изменения форм и структуры учета. Акцент при рассмотрении и использовании будет фокусироваться на формах, прямо или косвенно касающихся смертности детей до года, смертности

новорожденных в возрасте до 1 месяца, мертворождениям. Ежегодный отчет за 1959 год представлен на 133 листах. Среди форм отчетности в искомой сфере необходимо отметить следующие.

Формы типа № 1 «Сведения о естественном движении населения» отдельно составляются для городской местности, сельской местности и совокупно по городской и сельской местности. В самих формах учитываются такие показатели, как число родов (включая мертворождения); число родившихся без мертворожденных; сверх того мертворожденных; всего умерших; из числа умерших дети до года; число браков. Как видно на примере форм первого типа, проблема детской смертности и мертворождений выделена отдельно и занимает значительный объем в отчетности [7, л. 5].

Формы типа А «Итоги регистрации актов гражданского состояния» частично перекликаются в значениях с формой № 1, однако сверх этого содержат большой блок информации, не отраженной в названии формы, а именно разбивку показателей по национальностям. Печатная часть форм включает в перечень учета русских, украинцев, белорусов, казахов, армян, татар, евреев (то есть самые многочисленные этнические группы в СССР), затем ручкой в свободных строчках вписаны хакасы, эвенки, ненцы, то есть этносы, относящиеся к группе коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Составляются они также в трех вариантах: сельская местность, городская, совокупно по сельской и городской [7, л. 12–14].

В формах типа № 4 «Сведения об умерших по возрасту и полу» по горизонтальной линии расположены столбцы с указанием всех городских поселений, сельской местности и совокупно городской и сельской местности. Каждый из трех столбцов, в свою очередь, внутри подразделяется еще на три столбца по полам: мужского пола, женского пола, обоюбого пола. По вертикальной линии указаны строки с возрастными стратами. Из интересующих нас: моложе года; 1 год; 2 года; 3 года; 4 года; 0–4 года. В

целом можно сказать, что страты детей и младенцев не выделяются на фоне прочих демографических групп, общая периодичность в 1 год жизни сохраняется и далее в данном типе форм [7, л. 33].

Формы типа № 4-а «Сведения об умерших в возрасте до года: по полу, количеству прожитых дней и месяцев и календарных месяцев смерти и рождения». Данный тип форм целиком и полностью посвящен проблеме младенческой смертности. Отдельной строкой: из числа умерших до месяца умерли в возрасте: до 1 дня; 1 день; 2 дня; 3–6 дней; 7–9; 1–13; 14–19; 20; 21–29; итого до месяца. В основной части таблицы по горизонтальной линии указаны возраст и месяц рождения, по вертикальной – месяц смерти и рождения. На листе на отдельной странице даны сведения по мальчикам, отдельно на другой странице – по девочкам. Данные представлены в привычных трех вариантах: город, село, всего [7, л. 35–37]. Исходя из содержания этого типа форм отчетности, видно, что детская смертность в возрасте до года и отдельно младенческая смертность в возрасте до 1 месяца являются значимой проблемой и требуют отдельного подробного учета. Также отметим, что в формах статистики отражены специализированные сведения из области медицины.

Показатель младенческой смертности (МС) складывается из показателей неонатальной (в возрасте 0–28 дней жизни) и постнеонатальной (с 29 дня вплоть до окончания первого года жизни) смертности. Неонатальная смертность, в свою очередь, подразделяется на раннюю неонатальную (РНС; первые 7 дней жизни, точнее 168 часов) и позднюю (последующие три недели жизни). [2, с. 50]. Надо сказать, что несущественные отклонения форм учета от современной периодизации жизни новорожденного имеются, однако расхождения незначительны, и в целом периодизация совпадает.

В типе форм № 4-б «Сведения об умерших в возрасте до 1 года: по полу, календарным месяцам смерти и количеству прожитых дней и месяцев и от-

дельным причинам смерти. Причина смерти: воспаление легких (включая крупозное)» два варианта: отдельные города; всего город. По горизонтальной линии: до 7 дней; 7–13, 14–20, 21–29 дней, неизвестное количество до месяца; итого до месяца; 1 месяц; 2–11 месяцев; неизвестное количество месяцев; итого до года. Вертикальная линия: двенадцать календарных месяцев. Отдельно на листе страница с мальчиками, аналогичная с девочками на другой странице. Здесь нам предстает еще один специфический тип форм отчетности, непосредственно касающийся только страты младенцев и детей до года в вопросе смертности. Важно отметить, что этот тип форм посвящен одной единственной причине смертности – воспалению легких (включая крупозное), причем причина внесена в формы машинописным способом, а не вручную. [6, л. 38]. Учитывая, что это общесоюзные формы учета, представляется возможным предположить, что данная проблема актуальна для большинства территорий СССР. Не стоит упускать и тот факт, что варианты этих форм допускают их применение лишь для городских поселений, что позволяет судить об остроте проблемы именно в городах, а не сельской местности, либо о наличии возможности такого учета только в городах.

Тип форм № 5. «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти». По вертикальной линии приведена номенклатура причин смерти под соответствующими номерами в шифре (всего 115 возможных причин). По горизонтальной линии возраста каждый столбец с возрастом делится на два в соответствии с количеством полов. Здесь нужно отметить, что в качестве отдельной возрастной группы выделены младенцы (возраст до месяца). А в номенклатуре присутствуют специфические причины смертности новорожденных (до 1 месяца): родовые травмы новорожденных; прочие болезни новорожденных; преждевременное рождение без других указаний [7, л. 46–47]. Факт отдельного выделения соответствующей возрастной группы и специфических причин смер-

ности ее представителей также видится, как косвенное подтверждение наличия глубокой и осознаваемой органами власти проблемы.

Резюмируя информацию по отчету за 1959 год, отметим, что в установленных ЦСУ СССР формах демографической отчетности два типа форм полностью посвящены проблеме детской и младенческой смертности, еще в трех типах форм присутствуют специальные блоки данных, также посвященные этой проблеме.

В 1960 году появляется новый тип форм отчетности № 4-г «Сведения об умерших по возрастам, полу и национальности и об умерших в возрасте до 5 лет» [8, л. 80]. Форма составлена только в двух вариантах: все национальности и отдельно русские. Также с 1961 года отдельно представлены данные из пос. Дивногорск. В 1962 году количество листов учета увеличивается практически вдвое (до 140), однако этот рост объясняется тем, что, помимо имевшегося ранее внутреннего деления отчетности по структуре (весь край, г. Красноярск, Хакасская АО), добавляются пос. Дивногорск и пос. Индустриальный.

В 1963 году происходят значимые изменения. Во-первых, отметим рост листов отчетности до 176. Во-вторых, кратное увеличение внимания к вопросу демографии коренных народов Сибири и Дальнего Востока.

В типе форм № 3 «Сведения о родившихся и умерших в 1963 году по национальностям» (ручкой р-ны Крайнего Севера) так же, как и раньше, к внесенным машинописным способом этносам (русским, украинцам, белорусам, казахам, татарам, армянам и евреям) ручкой дописаны эвенки, хакасы, ненцы. Однако далее тип форм № 3 составляется отдельно для следующих административных единиц: Тунгусско-Чунский район (дополнительно только эвенки), Байкитский (эвенки), Илимпейский (эвенки, ненцы), Хатангский (в оригинале название района написано с ошибкой) (хакасы, эвенки), Усть-Енисейский (эвенки, ненцы), Авамский (эвенки, ненцы), Дудинский (эвенки, ненцы), Туруханский

(эвенки), Енисейский (эвенки, хакасы), Кежемский, Богучанский (хакасы), Мотыгинский (эвенки), Игарский район. А также по отдельным населенным пунктам из районов, причисленных к Крайнему Северу: г. Енисейск, р.п. Маклаково, р.п. Ново-Енисейск, р.п. Подтесово, р.п. Стрелка, г. Норильск, г. Игарка, р.п. Кайеркан, р.п. Северо-Енисейск, р.п. Тея, Новая-Еруда, р.п. Раздоленск (в оригинале написано с ошибкой, правильно – Раздолинск), р.п. Южно-Енисейск, р.п. Мотыгино, г. Дудинка, р.п. Нордвик (в оригинале написано с ошибкой, правильно – Нордвик. – *Е.С.*), р.п. Диксон, р.п. Тура [10, л. 9–41].

Кроме того, по типу формы № 4в «Сведения об умерших в возрасте до 5 лет по поколениям за 1963 год» отдельно составлены данные для р.п. Маклаково, г. Енисейск, р.п. Подтесово, г. Норильск, р.п. Кайеркан, р.п. Раздоленский (в оригинале две ошибки – правильно Раздолинск; неясно чем объясняется склонение топонима по падежам. – *Е.С.*), р.п. Ново-Енисейск, р.п. Стрелка, р.п. Северо-Енисейск, г. Игарка, р.п. Тея, р.п. Ново-Ерудинский, г. Дудинка, р.п. Южно-Енисейск, р.п. Мотыгино, р.п. Диксон. Далее в строке «всего» данные по районам Крайнего Севера и отдельным районам сельской местности: Илимпейский, Байкитский, Дудинский, Енисейский, Туруханский, Мотыгинский, Богучанский, Кежемский районы [10, л. 41–71]. Данная информация занимает объем с 9-го по 71-й лист, то есть 35 % от всего объема отчетности за год.

По данному блоку стоит отметить следующие моменты. Во-первых, интересен факт наличия ошибок в написании топонимов районов и населенных пунктов Крайнего Севера, правда, на каком уровне закралась ошибка, и что явилось причиной – неясно. Во-вторых, очевидно возросшее внимание к демографии коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Более вероятным кажется объяснение, в котором органы исполнительной власти не имели однозначного представления о том, почему происходят те или

иные демографические процессы среди коренных малочисленных народов. Одним из основных средств улучшения здравоохранения провозглашалось изменение уклада жизни, связанное с консолидацией коренных малочисленных народов в укрупненные села и созданием комплексных хозяйств. Однако в период 1950-х – начала 1960-х годов произошел резкий скачок заболеваний [20, с. 275], которые, по всей видимости, и были вызваны стремительной урбанизацией и разрывом этносов с традиционным укладом в жизни, в том числе санитарно-эпидемиологическим. Предполагалось, что ведение беременности и принятие родов, полная диагностика, профилактика и лечение заболеваний у представителей коренных малочисленных народов в специально оборудованных фельдшерских пунктах колхозов должно было снизить уровень заболеваемости и смертности. Однако уже первые десятилетия массового перевода кочевых и полукочевых народов на оседлость продемонстрировали несоответствие задуманных целей практическим результатам [20, с. 275]. Правда, такое объяснение по-прежнему не дает конкретного ответа на вопрос, почему именно в отчетах периода 1964–1965 годов отмечается такой всплеск внимания и подробности фиксации демографических фактов.

Кроме этого, в отчете за 1963 год отдельно приведены формы для поселка памяти 13 борцов и Мининского сельсовета (формы А, № 1, № 3, № 4, № 4-а, № 4-б, № 4-в, № 5). Такой объем отчетности по этим населенным пунктам можно считать избыточным, так как большинство форм практически пустые (незаполненные) ввиду отсутствия демографических фактов для учета. В 1965 году все снова кардинально меняется. Весь объем отчетности по районам Крайнего Севера и отдельным населенным пунктам сводится к трем вариантам: по районам Крайнего Севера, Эвенкийской АО, Туруханской АО [11, л. 12–21].

Меняется содержание форм № 5, изменилась номенклатура причин смертности, – их число увеличилось по-

чти вдвое. Раннее было 115 причин смертности, стало 223: на 1 увеличилось количество видов туберкулеза; было 17 причин смертности от рака и новообразований, стало 23; ранее было 5 причин смерти женщин, связанных с беременностью, стало 11; болезни легких разделены на младенческие и взрослые, число видов увеличено – крупозное, долевая пневмония, бронхопневмония, пневмония первичная, атипичная, различные бронхиты и т.д.; специфических причин смерти новорожденных стало минимум 13, в тех, что напрямую указано или следует из названия, ранее было 3 [11, л. 135].

В отчетности за 1968 год по формам № 3 расширяется номенклатура народов Крайнего Севера и Сибири: хакасы, эвенки, ненцы, нганасаны, долгане, якуты, кеты, селькупы. По обеим формам (№ 3 и № 4-в), как и прежде, отчетность в вариантах: всего по районам Крайнего Севера, Таймырский и Эвенкийский АО [11, л. 83].

В 1970 году происходят изменения в формах № 5: убрано деление на детские и недетские пневмонии, что могло бы указать на улучшение ситуации с проблемой детской и младенческой смертности, однако в 1970 году появляется новый тип форм учета младенческой смертности (третий отдельный с сохранением двух предыдущих) формы № 5-д «Сведения о мертворождении и числе умерших детей в возрасте 0–6 дней по полу и причине смерти» в шести вариантах: городская местность, сельская местность, совокупно сельская и городская местность, мертворожденных, умерших в возрасте 0–6 дней, суммарно мертворожденных и умерших в возрасте 0–6 дней. Всего приведена номенклатура из 46 причин смертности, включая как болезни новорожденных, так и патологии беременности [14, л. 221]. В данных формах впервые отдельно рассматривается уже проблема мертворождений и их причин, а также причина смертности в первую неделю жизни.

В исследовании А.Г. Вишневого и С.В. Захарова приведены данные, согласно которым советское определение живорождения существенно отличается

от того определения, что принято ВОЗ. Так, живорожденными признавались только те, кто родился после 28-й недели и прожил до 1 недели, все остальные, даже имеющие признаки жизни, признавались мертворожденными. А дети, родившиеся до 28-й недели беременности или с весом менее 1000 граммов, или ростом меньше 35 см и не пережившие первую неделю, вовсе определялись, как выкидыш. Эти данные интерпретируются авторами как одна из причин недоучета количества младенческой смертности и мертворождений в СССР [4, 5]. Однако из типа форм № 5-д видно, что, несмотря на формальную разницу, при учете причин смерти мертворожденные и умершие в первую неделю жизни учитываются наравне.

В 1976 году появляется тип форм № 5-в «Сведения об умерших по возрасту месту и некоторым причинам смерти». По вертикали идут строки: всего умерших, в т.ч. до 1 года, из них до месяца, в т.ч. о дней, год и старше. Для каждой из групп трехчастное деление в строках: стационар, дом, другое место. Формы № 5-в используется только в 1976 году, в дальнейшем в годовых отчетах они не встречаются [15, л. 105].

В 1983 году появляется форма «Естественное движение населения народностей Крайнего Севера: родившиеся, умершие, естественный прирост», не имеющая условного обозначения, равно как и указания на ее принятие ЦСУ СССР. В номенклатуре данной формы указаны следующие этносы: ненцы, ханты, манси, эвенки, коряки, чукчи, эвены, долгане, ительмены, кеты, алеуты, нанайцы, нганасаны, негидальцы, нивхи, ороки, орочи, саамы, селькупы, тофалары, удэгейцы, ульчи, чуванцы, энцы, эскимосы, юкагиры [17, л. 1]. В том же году по формам № 1 «Сведения об умерших по возрасту и полу» отдельно сформированы показатели по городам Абакан, Норильск, Ачинск, Канск. Меняются формы № 5-д: по вертикали заболевания или состояния матери, последа, патология беременности и родов, обусловившие причину смерти ребенка

(плода), по горизонтали – основные заболевания и состояние ребенка (плода), явившиеся причиной смерти в перинатальном периоде. Таким образом, обозначаются две разные группы причин смертности новорожденных или плода [17, л. 105]. Это согласуется с современными актуальными данными о зависимости времени и причин смертности у новорожденных. Чем старше погибший ребенок, тем меньше в историях болезни было подробностей об акушерско-гинекологическом анамнезе матери, об особенностях внутриутробного развития плода, характере родов (осложнения при беременности и в родах, особенности их лечения, показания для оперативного родоразрешения, характер околоплодных вод и пр.) [2, с. 51].

Заключение. Обзор изменений в ежегодной демографической отчетности демонстрирует устойчивые тенденции к расширению и углублению вносимых значений по двум направлениям: младенческая и детская смертность, показатели естественного движения населения среди народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Что касается проблемы младенческой и детской смертности, можно отметить не только количественное изменение (рост числа форм отчетности, номенклатуры причин смертности, возрастных периодов), но и качественное изменение. Если в конце 1950-х гг. в формах демографической статистики мы видим усиленное внимание к пневмонии и другим болезням дыхательной системы у новорожденных и детей, то в 1980-х гг. отчетливо заметно, что структура причин смертности отражает эпидемиологическую картину, где значительная часть детей погибает от особенностей протекания беременности, обстоятельств родов, аномалий плода и т.д. Также со временем мертворожденные на поздних сроках беременности учитываются наравне с детьми, пережившими первые часы жизни и умершими позднее, что отражает и изменение официального восприятия биологического понимания жизни как таковой, постепенное приближение к

стандартам ВОЗ. Важно отметить, что проблема детской и младенческой смертности оставалась актуальной и значимой для власти на протяжении всего исследуемого периода, даже после некоторых успехов в деле снижения показателей смертности и успехов в борьбе с ключевыми ее причинами происходило дальнейшее развитие и углубление учета, необходимого для продолжения улучшения показателей выживаемости детей. Проблема оставалась острой для страны. Примерно до середины 1960-х годов младенческая смертность в России снижалась и довольно быстро, но затем наша страна вступила в полосу застоя [3, с. 34]. Формы демографической статистики отражают и меняющуюся эпидемиологическую картину смертности в развивающемся индустриальном обществе, что является косвенным подтверждением истинности положений теории эпидемиологического перехода. Суть концепции (теории) эпидемиологического перехода лежит в утверждении о радикальном изменении структуры смертности, вызванной изменением собственно ее причин, носящих экзо- и эндогенный характер. Экзогенные причины смерти связаны с воздействием внешней среды, особенно с антропогенным влиянием человека на нее. В результате растет смертность от несчастных случаев, травматизма, ДТП, отравлений, инфекционных и паразитарных болезней и др. [22, с. 197]. Появление новых форм отчета в 1970-х гг., где значимое место среди причин смертности занимают патологии беременности, травматизм и осложнения в течение беременности, подтверждают верность этого тезиса. Как мы отмечали в одной из наших работ [24, с. 258], снижение доли пневмонии в структуре младенческой смертности могло быть вызвано не усилиями по борьбе с ней, что имеет, скорее, косвенное влияние, а напрямую с ростом смертности от родовых травм и иных специфических болезней новорожденных. Государство вкладывало значительные ресурсы в борьбе с младенческой смертностью, в том числе от пневмонии, однако при снижении

смертности от пневмонии возрастали случае смертности на ранних сроках от иных причин. Не лишним будет отметить и то, что со временем, очевидно, развивалась и медицинская наука, расширялось и углублялось понимание многих эпидемиологических процессов, что находило свое отражение в формах учета естественного движения населения. Вместе с тем росли и возможности статистического учета демографических фактов, особенно в сфере здравоохранения. Рост числа больниц, количества и качества медицинского персонала, охват населения институтами здравоохранения также позволял улучшить глубину и охват статистического учета демографических процессов.

Вторая область учета, внимание к которой также только росло со временем,

– демография коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эта тенденция может объясняться ухудшающимися показателями, а также особой политикой советской власти в отношении данных этносов. Этот процесс неразрывно связан в активным хозяйственно-экономическим освоением регионов их традиционного расселения, культурной ассимиляцией, социальной модернизацией. Место и массив данных, уделяемый вышеуказанным этносам, не пропорционален их удельному весу в структуре численности населения, что свидетельствует об особом месте коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в национальной политике СССР и находит прямое отражение в ежегодной демографической статистике.

Список источников

1. *Авдеев А.* Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и в СССР // Историческая демография: сб. ст. / под ред. *М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой.* М., 2008. Вып. 14. С. 13–71.
2. *Ветров В.В., Иванов Д.О.* Акушерские истоки младенческой смертности по данным Н-ского региона Российской Федерации (РФ) // *Детская медицина Северо-Запада.* 2015. Т. 6. № 3. С. 49–55.
3. *Вишневский А.Г.* Эпидемиологический переход и его интерпретации Г. // *Демографическое обозрение.* 2020. Т. 7. № 3. С. 6–50.
4. *Вишневский А.Г., Захаров С.В.* Что знает и чего не знает российская демографическая статистика // *Вопросы статистики.* 2010. № 2. С. 7–17.
5. *Демографическая история России и регионов: сб. науч. тр.* Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Вып. 1. 304 с.
6. *Исупов В.А.* Демографическая статистика в Сибири: история становления (1920–1930-е гг.) // *Вестник НГУЭУ.* 2010. № 1. С. 90–101.
7. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 1.
8. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 2.
9. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 4.
10. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 5.
11. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 7.
12. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 10.
13. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 11.
14. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 13.
15. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 24.
16. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 25.
17. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 34.
18. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп. 8. Д. 35.
19. *Гонина Н.В., Павлюкевич Р.В., Славина Л.Н.* Фонды региональных плановых органов как наиболее ценный источник по динамике и уровню жизни город-

- ского населения Восточной Сибири. 1954–1984 гг. // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1088–1105.
20. *Колпакова Т.А.* Государственная политика у коренных малочисленных народов Дальнего Востока в сфере здравоохранения (1945–1960 гг.) // Амурский научный вестник. 2009. № 2. С. 274–279.
21. *Коротких И.С.* Отечественная демография и демографическая статистика в конце XX – начале XXI в. // *Filo Ariadne*. 2016. № 4. С. 115–128.
22. *Кышпананов В.А.* К вопросу об эпидемиологическом переходе в Республике Хакасия // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Абакан, 10–11 нояб. 2021 г.). Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2021. С. 197–199.
23. *Литвинец Е.Ю.* Эволюция демографической политики СССР во второй половине XX века // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв.: мат-лы Междунар. науч. конф. (Саратов, 26–27 мая 2016 г.). Саратов: Амрит, 2016. С. 92–94.
24. *Семькин Е.И.* Проблема критериев учета младенческой смертности в г. Красноярске в 1959–1965 гг. // Гришаевские чтения: мат-лы V Междунар. науч. конф. (Красноярск, 24–25 нояб. 2022 г.). Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2023. С. 282–286.
25. *Ханин Г.И.* Статистика и институты (рецензия на книгу И.И. Елисейевой, А.Л. Дмитриева «Очерки по истории государственной статистики России») // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 1 (35). С. 17–18.

References

1. *Avdeev A.* Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i v SSSR // *Istoricheskaya demografiya: sb. st. / pod red. M.B. Denisenko, I.A. Troickoj*. М., 2008. Вып. 14. С. 13–71.
2. *Vetrov V.V., Ivanov D.O.* Akusherskie istoki mladencheskoj smertnosti po dannym N-skogo regiona Rossijskoj Federacii (RF) // *Detskaya medicina Severo-Zapada*. 2015. Т. 6. № 3. С. 49–55.
3. *Vishnevskij A.G.* Ehpидемиологический переход и его интерпретации G. // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7. № 3. С. 6–50.
4. *Vishnevskij A.G., Zakharov S.V.* Chto znaet i chego ne znaet rossijskaya demograficheskaya statistika // *Voprosy statistiki*. 2010. № 2. С. 7–17.
5. *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov: sb. nauch. tr.* Novo-sibirsk: Izd-vo SO RAN, 2016. Вып. 1. 304 с.
6. *Isupov V.A.* Demograficheskaya statistika v Sibiri: istoriya stanovle-niya (1920–1930-e gg.) // *Vestnik NGUEHU*. 2010. № 1. С. 90–101.
7. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 1.
8. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 2.
9. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 4.
10. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 5.
11. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 7.
12. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 10.
13. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 11.
14. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 13.
15. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 24.
16. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 25.
17. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 34.
18. GAKK. F.R-1300. Op. 8. D. 35.

19. *Gonina N.V., Pavlyukevich R.V., Slavina L.N.* Fondy regional'nykh pla-novykh organov kak naibolee cennyj istochnik po dinamike i urovnyu zhizni gorodskogo nase-leniya Vostochnoj Sibiri. 1954–1984 gg. // Vestnik arkhivista. 2021. № 4. S. 1088–1105.
20. *Kolpakova T.A.* Gosudarstvennaya politika u korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka v sfere zdravookhraneniya (1945–1960 gg.) // Amurskij nauchnyj vestnik. 2009. № 2. S. 274–279.
21. *Korotkikh I.S.* Otechestvennaya demografiya i demograficheskaya statisti-ka v konce KHKH – nachale XXI v. // Filo Ariadne. 2016. № 4. S. 115–128.
22. *Kyshpanakov V.A.* K voprosu ob ehpidemiologicheskom perekhode v Respublike Khakasiya // Konkurentnyj potencial regiona: ocenka i ehffektivnost' ispol'zovaniya: sb. st. KHII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Abakan, 10–11 noyab. 2021 g.). Abakan: KHGU im. N.F. Katanova, 2021. S. 197–199.
23. *Litvinec E.YU.* Ehvolyuciya demograficheskoy politiki SSSR vo vtoroj polovine XX ve-ka // Rossiya – SSSR – RF v usloviyakh reform i revolyu-cij. XX–XXI vv.: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Saratov, 26–27 maya 2016 g.). Saratov: Amirit, 2016. S. 92–94.
24. *Semykin E.I.* Problema kriteriev ucheta mladencheskoj smertnosti v g. Krasnoyarsk v 1959–1965 gg. // Grishaevskie chteniya: mat-ly V Mezhduna-r. nauch. konf. (Krasno-yarsk, 24–25 noyab. 2022 g.). Krasnoyarsk: Izd-vo KraSGAU, 2023. S. 282–286.
25. *Khanin G.I.* Statistika i instituty (recenziya na knigu I.I. Eliseevoj, A.L. Dmitrieva «Ocherki po istorii gosudarstvennoj statistiki Ros-siI») // Idei i idealy. 2018. T. 2. № 1 (35). S. 17–18.

Статья принята к публикации 10.01.2024/
The article has been accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторе:

Евгений Иванович Семькин, ассистент кафедры истории и политологии

Information about the authors:

Evgeniy Ivanovich Semykin, Assistant at the Department of History and Political Sci-ence

